

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЗАУРАЛЬЯ

Домостроительство является одним из ценнейших источников для реконструкции социально-экономического и исторического развития. В историографии круг литературы, посвященной этой теме, небольшой и носит фрагментарный характер. В статье приводится обзор исследований по изучению домостроительства населения раннего железного века на территории Зауралья, а именно иткульской, баитовской, гороховской, саргатской культур. В научных трудах рассмотрены вопросы типологии, классификации жилищ, выявлены культурные особенности конструкций, значительные успехи достигнуты в области реконструкции построек. Однако в литературе мало освещенной остается проблема формирования строительных традиций. Таким образом, еще предстоит выявить причины, по которым происходили те или иные перемены (временные, территориальные) в домостроительстве раннего железного века.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Зауралье, ранний железный век, домостроительство.

Housebuilding is one of the most valuable sources for the reconstruction of socio-economic and historical development. They nevertheless, in historiography, the circle of literature devoted to this topic is small and fragmentary in character. The article reviews the research on the house-building traditions of the population of the early Iron Age in the Trans-Ural region, namely Itkul, Bayit, Gorokhov, Sargatian cultures. In scientific works, questions of typology, classifications of dwellings, and cultural peculiarities of structures were revealed; significant progress was made in the field of reconstruction of buildings. However, in the literature, the problem of the formation of building traditions remains poorly illuminated. Thus, we still have to identify the reasons why those or other changes (temporary, territorial) occurred in the housing construction of the early Iron Age.

KEY WORDS: Trans-Urals, early Iron Age, house-building.

К наиболее важным источникам по изучению древних культур, несомненно, относятся остатки жилых и хозяйственных построек. Традиции домостроительства всегда складываются в определенных условиях, в процессе взаимодействия человека и окружающей его природы. Человек всегда стремится приспособить окружающий его мир к своим потребностям так, чтобы это могло обеспечить успешное осуществление трудовой деятельности. Поэтому, являясь одним из необходимых элементов жизнеобеспечения, жилище всегда отражало уровень развития общества, его культуры. Хозяйственная деятельность, духовный мир, навыки и умения людей — все это находит отражение в организации жилого пространства. В связи с этим описание построек, как этап научной работы, имеется почти в каждом исследовании, однако специальных работ, в которых освещалась бы организация жилого пространства, немного.

В настоящей статье дана оценка степени изученности жилой архитектуры населения раннего железного века на территории Зауралья, а именно иткульских, баитовских, гороховских и саргатских древностей.

Начальный период раннего железного века в горнолесной части Зауралья представлен иткульской культурой, а в лесостепной зоне — баитовской культурой. Первое наиболее серьезное обобщение иткульских построек было сделано В. Е. Стояновым [1970, с. 241]. Он описал их в зависимости от соотношения жилых и хозяйственных помещений, размещения пола относительно уровня древней поверхности, количества камер, очертаний и пропорций плана, наличия или отсутствия очажных углублений. Таким образом, жилища иткульской культуры были впервые охарактеризованы им как наземные и полуземляночные постройки одно- и двухкамерные подпрямоугольной формы.

Дальнейшее изучение темы жилой архитектуры связано с одним из ведущих специалистов по исследованию иткульской культуры Г. В. Бельтиковой [1977; 1993; 2005]. В ходе анализа останков жилых конструкций Г. В. Бельтикова охарактеризовала постройки как различных размеров (малые, средние и большие), прямоугольные и овальные в плане, наземные и полуземляночные, с одним-двумя очагами, глиняными вымостками, деревянными лежанками дома. В результате исследования постройки были разделены на три типа, исходя из функционального назначения: 1) производственные; 2) производственно-жилые; 3) жилые помещения [Бельтикова, 2005, с. 177].

К первым были отнесены помещения малой площади, углубленные и наземные, прямоугольные и овальные, с грунтовым полом, провалами, производственными площадками, основаниями горнов и остатками металлургического производства. Г. В. Бельтиковой высказано предположение, что данные постройки служили для обработки цветного и черного металла и не использовались в бытовых нуждах. К производственно-жилым были

отнесены помещения большой площади, углубленные и наземные, прямоугольные и овальные, с грунтовым, глинобитным и комбинированным покрытием пола. Данный тип отличается тем, что наряду с находками в помещениях бытовых предметов зафиксированы горны, глинобитные площадки, прокалы. Третий тип жилищ имеет разные характеристики: большие наземные и малые углубленные. Пол земляной, глинобитный с прокалами, глинобитными площадками, ямами. Несущие конструкции — каркасно-столбовые и срубные. Объектов и находок производственного характера в слое не обнаружено [Там же].

Вдобавок к этому Г. В. Бельтиковой при анализе планировки жилищ на поселениях было установлено, что большинство сооружений концентрировалось по краям памятника, а центральная часть оставалась достаточно свободной. При этом объекты различного назначения были на разных флангах: на одном — производственные помещения, на другом — жилые и производственно-жилые [Бельтикова и др., 1991, с. 106–107].

Интересны выводы исследователя, что в постройках иткульской культуры находит отражение большесемейная и клановая специализация населения, основанная на металлургической специфике хозяйственной деятельности. Обратим наше внимание, что данное объяснение может быть принято только для построек, которые локализируются в западном ареале культуры, на территориях распространения так называемого «восточного варианта» иткульских памятников разделения по хозяйственному признаку не выявлено [Там же].

Тема домостроительства иткульского населения получила развитие также в работах В. А. Борзунова. Исходя из степени углубленности в грунт, он выделил среди иткульских построек три типа: полуземлянки, наземные и со слабоуглубленным котлованом в центре. Среди отличительных черт отмечено наличие, как правило, двух очагов, один из которых являлся производственным с большим количеством остатков литейного производства [Очерки культуригенеза... , 1994, с. 256]. Среди иткульских жилищ В. А. Борзуновым установлено значительное преобладание наземных форм по сравнению с другими культурами Зауралья раннего железного века. Кроме того, отмечен факт, что на рубеже бронзового и железного веков иткульские группы, расселившиеся в долине р. Тобола, строили только наземные дома, в то время как у обитавших в горнолесной части Урала коллективов встречались уже упоминавшиеся три типа сооружений [Борзунов, 1992, с. 100]. Можно предположить, что данный факт отражает разную территориальную специализацию хозяйственной деятельности населения.

В последнее время активное изучение иткульской проблематики ведется О. Ю. Зиминной и В. А. Захом [2009]. Ими отмечен факт, что Притобольские памятники, в отличие от Зауралья, имеют слабо насыщенный культурный слой — посуда и инвентарь представлены малочисленными наборами. Это в

совокупности с преобладанием наземных построек дает основание исследователям довольно обоснованно утверждать, что население здесь вело более подвижный образ жизни, отличный от характера хозяйствования обитателей горнолесных местностей.

На территории Тоболо-Ишимья синхронными иткульской культуре были байтовские комплексы. В начале изучения В. Е. Стояновым данного региона им был выделен следующий тип построек — это одно- и двухкамерные полуземляночные жилища. Наземные жилища, открытые на Носиловском поселении, он отнес к носиловскому типу [1969; 1975]. Однако позднее Н. П. Матвеева объединила данные материалы в рамках одной байтовской культуры [1989, с. 77–102]. При разработке вопроса генезиса байтовской культуры она обращает внимание на тот факт, что байтовские одно- и двухкамерные постройки находят аналогии в бархатовских постройках поздней бронзы.

С. И. Цембалюк, опираясь на новые памятники и придерживаясь мнения Н. П. Матвеевой, отмечает, что в последнее время на территории Притоболья находят памятники как с наземными, так и с полуземляночными слабоуглубленными жилищами, в материалах которых фиксируются оба типа керамики, не разделяемые ни стратиграфически, ни типологически [Цембалюк, 2009, с. 57].

Анализируя особенности хозяйствования байтовского населения, Н. П. Матвеева обращает внимание на отсутствие следов перестроек, маленькие размеры построек, а также на низкую насыщенность отложения находками. Все это, по ее мнению, указывает на большую подвижность населения по сравнению с позднебронзовым временем [Матвеева и др., 2005, с. 151].

Наиболее полная словесная реконструкция байтовской постройки выполнена в кандидатской диссертации С. И. Цембалюк. Строения описаны исследователем как наземные жилища округлоподпрямоугольной формы. На каркасно-столбовую конструкцию указывает расположение столбовых ямок по центру и краю котлована. Стойки каркаса стен соединялись поверх балками, кровля была четырехскатная. Выход оформлен в виде коридора такой же конструкции. Расстояние между каркасными балками кровли и стенами, скорее всего, заполнялось жердями, расколотыми пополам бревнами, ветками. Стены и кровля утеплялись травой и дерном. По мнению С. И. Цембалюк, данный тип конструкции продолжает иткульскую традицию, однако байтовские дома больше по площади и имеют многоугольную форму [Цембалюк, 2017, с. 61–62].

Исследуя особенности топографического распределения байтовских жилищ, С. И. Цембалюк выявила, что наземные и полуземляночные постройки распространены на территории всего ареала байтовской культуры. Однако ею отмечено небольшое преобладание на территории подтаежного Притоболья наземных конструкций, а в лесостепи — полуземлянок [Цембалюк, 2009, с. 63].

Западными соседями байтовцев были племена гороховской культуры. Протянутая чересполосно с байтовским населением, гороховские племена занимали особую природно-историческую зону на границе с кочевым миром. Первая характеристика жилищ гороховской культуры принадлежит К. В. Сальникову [1947]. Постройки, исследованные при раскопках городища Чудаки, были описаны им как слабоуглубленные полуземлянки четырехугольной формы, среди которых встречаются одно- и двухкамерные. Основой стен являлись вертикальные столбы, в их пазы закладывались одинаковые отрезки бревен. Опорой крыши служили четыре столба в центре помещения, на них крепили раму светодымового отверстия, кровля, по его мнению, была четырехскатной [Сальников, 1947, с. 224].

Позже В. Е. Стояновым среди жилищ гороховской культуры были выделены однокамерные четырехугольные полуземлянки почти квадратных очертаний с длинными выступами выходов, полуземляночные постройки, состоящие из жилой и хозяйственной камер, соединенных переходом и открывающихся наружу через хозяйственную камеру [Стоянов, 1970, с. 241].

Дальнейшее изучение гороховских древностей связано с работами Н. П. Матвеевой [2000]. Она описала жилища с поселений Ботниковское-1б и Нечунаевское-2. Постройки представлены как конструкции легкого шатрового типа с соединяющимися в центре столбами в общей обвязке, так как центральные опорные столбы или четырехугольная рама светодымового отверстия отсутствуют. Исходя из того, что при наклонном положении каркаса стен и небольшом его заглублении кровля не могла выдержать поперечный накат из жердей и настил из дерновых блоков, Н. П. Матвеева предположила, что жилища были не утепленными. Кроме того, отмечено, что разработанная планировка и двухкамерность при легкой конструкции ботниковских жилищ являлись пережитком по отношению к типу хозяйства, она восходила к оседлому быту и подкреплялась, видимо, доступностью деревянных стройматериалов.

При анализе стандартов жилой площади Н. П. Матвеевой было отмечено, что у гороховцев существовало как минимум три типа построек в соответствии с какими-то социальными или экономическими нормами. В ходе палеоэкономического анализа ею было показано, что на городищах-убежищах представлены малые, средние и большие конструкции. В результате планиграфического анализа выявлен факт четкого расположения жилищ разной площади и планировки на памятнике. Самые большие постройки занимали противоположную от въезда часть, средние локализовались по обе стороны от них, а последние, малые, — по обе стороны от въезда. Это позволило сделать вывод, что размещение жилищ на площади памятника было подчинено мерам безопасности и соображениям престижности, это свидетельствует о том, что сооружения занимали люди разного социального статуса. На наш взгляд, данное объяснение выглядит оправданно, поскольку сословное де-

ление достаточно аргументировано погребальным обрядом [Матвеева, 2000, с. 203–204].

Жилища на сезонных летниках двухкамерные с небольшой жилой площадью. Все они имеют хозяйственную камеру-сени и легкую шатровую конструкцию. Насыщенность находками низкая, что в совокупности с типом жилищ, по мнению Н. П. Матвеевой, дает возможность полагать, что данные поселения были летниками и использовались в течение одного сезона коллективом родственных семей [Матвеева, 2000, с. 117]. Основываясь на составе стада, характерного для подвижного скотоводства, и придерживаясь мнения В. Е. Стоянова о среднеазиатском генезисе гороховской архитектуры, Н. П. Матвеева поддержала предположение, что зимование гороховского населения происходило вблизи приаральских оседлых поселений и городов, у которых, вероятно, гороховцы заимствовали бытовые и строительные традиции.

Значительно лучше изученной по сравнению с другими культурами раннего железного века является архитектура саргатского населения. На сегодняшний день благодаря прекрасным материалам с раскопок городищ и поселений удалось не только подробно словесно описать архитектуру саргатцев, но и произвести графические реконструкции.

Значительный вклад в изучение домостроительства саргатской культуры сделан Л. Н. Коряковой [1988]. Она обобщила и классифицировала известные на тот период жилища саргатского населения. Кроме того, ею выполнена графическая реконструкция постройки с селища Дуванское II.

Обращаясь к вопросу о многокамерности жилищ, Л. Н. Корякова пишет, что она больше всего была характерна для жилищ оседавшего на землю кочевого и полукочевого населения, и этнография фиксирует это везде, где происходит данный процесс. По мнению Л. Н. Коряковой, не исключено, что саргатские многокамерные постройки также отражают подобное явление [Корякова, 1988, с. 39].

Отвечая на вопрос о причинах разнообразия жилищ, Л. Н. Корякова считает, что, вероятно, это обусловлено сложностью этнической истории, а также отражает различные уровни сегментации семьи. Отчетливо видна тенденция к ее хозяйственному обособлению и усложнению структуры жилого комплекса, о чем, на ее взгляд, могут свидетельствовать жилища селища Дуванское II, оставленного группой родственных семей, состоящих предположительно из 12–15 человек [Корякова, 1988, с. 41]. Вместе с тем Л. Н. Коряковой было предположено, что некоторые типы жилищ были, видимо, универсальными. Так, например, конические жилища, каркасные дома были распространены еще в эпоху камня и существуют с незначительными трансформациями по сегодняшний день [Там же].

Широкие исследования памятников саргатской культуры в Приишимье и Притоболье производились Н. П. Матвеевой. Она, обращаясь к причинам

многокамерности построек, обуславливала ее длительностью существования и социально-экономическими причинами. По ее мнению, многокамерные конструкции изначально были аналогичны однокамерным домам, однако со временем к жилищам пристраивались пристройки, хозяйственные помещения. Кроме того, пространство усложнялось за счет ремонтов и перепланировок. Возникновение сложных многокамерных построек она относит к V–IV вв. до н. э., а в дальнейшем, по мнению исследователя, намечается тенденция к упрощению архитектурной традиции [Матвеева, 2000, с. 49].

Затрагивая проблему разнообразия жилищ, Н. П. Матвеева отмечала, что на соотношение разных типов построек могло оказывать влияние экономическое благосостояние населения — при доказанном социальном неравенстве и наличии нескольких страт в составе общества носителей саргатской культуры. Оно также могло иметь различное соотношение в связи с изменением погодных условий, войн, эпидемий и т. д. Вероятно, разные варианты обеспечения жилой среды были обусловлены возможностями экологической адаптации конкретных коллективов, направлением хозяйственной деятельности, особенностями образа жизни, историко-культурными традициями [Матвеева, 2000, с. 54]. В связи с этим сделан вывод, что у саргатского населения можно усмотреть как черты оседлости, так и кочевого быта. Это нашло отражение в сочетании таких элементов, как строительство крепостей, домов-усадеб, настилка стационарных полов в отдельных постройках для хозяйственной деятельности и ремесла, а также в придомном содержании скота. Это в совокупности с кратковременностью большинства поселений, их малой площадью, легкими каркасными и шатровыми конструкциями свидетельствует о сочетании разных хозяйственных комплексов [Там же].

Замечательные успехи достигнуты М. К. Хабдулиной при изучении на р. Ишим городища Ак-тау [1994, с. 31–45]. Благодаря прекрасной сохранности памятника ей удалось не только исследовать остатки десяти жилищ саргатской культуры, но и реконструировать их. Они описаны и графически представлены как одно- и двухкамерные постройки. Однокамерные жилища оказались небольшими по площади и единообразно организованными внутри. Они были расположены по периметру оборонительной системы. В центре городища находились двухкамерные постройки, которые состояли из жилого и хозяйственного помещений. Исследователь, исходя из однотипности однокамерных сооружений и их расположения вдоль оборонительной линии, предполагает, что они могли принадлежать отдельной социальной группе. Двухкамерные жилища, составляя центр городища, вероятно, принадлежали семьям воинов более высокого статуса. Скорее всего, в такой планировке жилищ на городище отражается социально-экономическая дифференциация общества. Мы предполагаем, что в центре больших двухкамерных жилищ обитала привилегированная часть населения, нуждающаяся в более надежной защите.

Детальный анализ архитектуры саргатского населения выполнен С. В. Берлиной [2010]. Обобщив все известные на тот период саргатские жилища, она выделила и реконструировала пять типов построек, отличающихся по набору признаков, способам возведения стен, их утеплению. Первый тип составили чумы больших размеров с укрепленным каркасом. Второй тип — это легкие постройки конической формы. Третий тип представлен постройками, стены которых выполнены в технике заплота. В четвертую группу вошли срубные дома. И в последнюю, пятую, группу выделены каркасно-столбовые сооружения. Более того, исследователем было установлено, что жилища и хозяйственные постройки в зависимости от статуса поселения строились либо по предварительному плану, либо скоплениями-гнездами по мере развития жилища и усложнения хозяйственно-экономической жизни населения: основная камера обрастала пристроями, в таком случае фиксировался усадебный принцип застройки.

Разнообразие жилищ С. В. Берлина объясняет усложнением социально-экономической жизни населения, а также комплексным характером ведения хозяйства. Именно поэтому саргатцам были необходимы вспомогательные помещения для хозяйственных нужд, различные по характеру длительности использования, кроме того, на строительство большое влияние могло оказывать и наличие сырьевой базы в том или ином районе [Берлина, 2010, с. 156].

На наш взгляд, различие форм построек было обусловлено совокупностью причин, которые, вероятно, включали социальные и экономические факторы.

В последнее время при изучении жилищ все чаще делается упор на использование междисциплинарных методов для реконструкции адаптационных моделей. Так, например, С. В. Берлиной были произведены расчеты теплоемкости жилищной камеры. Палеоэкологическая оценка домостроительства дала возможность утверждать, что из-за большой площади и недостаточной толщины стен в зимний период, несмотря на постоянный обогрев открытыми очагами, температура в жилищах была непостоянной, резко падая в ночное время. К тому же планировка жилищ оставляла возможность воздействия сквозняков на обитателей, что позволяет говорить о наличии такого физиологического стресса, как переохлаждение [Там же, с. 157].

И. Ю. Чикунова, отмечая в традициях домостроения элементы приспособления жилищ к внешним условиям, обращает внимание на такой прием, как углубление конструкций в грунт. Она пришла к выводу, что постройка возвышалась всего на 1–1,5 м над землей, что снижало теплопотери в жилище из-за выдува, поскольку стены были заметены снегом. Кроме того, она считает, что данный прием позволял за счет температурной стабильности грунта поддерживать температуру в постройке постоянно на комфортном уровне. Вместе с тем сделан вывод, что наличие длинных коридоров по-

зволюло смягчить резкий температурный перепад при выходе из жилища на открытый воздух, таким образом, снижая риск простудных заболеваний. Но, несмотря на стремление в конструкции жилых построек улучшить условия существования, стоит заметить, что они оставались неблагоприятными [Чикункова, 2006, с. 113].

Таким образом, были рассмотрены работы, посвященные домостроительным традициям населения раннего железного века на территории Зауралья. Мы видим, что список работ, в которых так или иначе освещена данная тема, довольно широк. Однако недостаточно разработанной в литературе остается проблема формирования и изменения строительных обычаев. Данную задачу предстоит решить в дальнейших исследованиях. Для этого следует, на наш взгляд, определить роль влияния физико-географической, социально-экономической среды на процесс эволюции жилых конструкций изучаемой эпохи. Более глубокое изучение домостроительных традиций всех культур раннего железного века на территории Зауралья, вероятно, позволит подойти к решению генетических связей, вычленить этапы формирования и развития культур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бельтикова, Г. В. Иткульские поселения / Г. В. Бельтикова // Вопросы археологии Урала. — Свердловск, 1977. — Вып. 14. — С. 119–133.
2. Бельтикова, Г. В. Некоторые проблемы археологии раннего железного века Зауралья и Западной Сибири / Г. В. Бельтикова, В. А. Борзунов, Л. Н. Корякова // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург, 1991. — Вып. 20. — С. 102–114.
3. Бельтикова, Г. Б. Развитие иткульского очага металлургии / Г. Б. Бельтикова // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург, 1993. — С. 93–106.
4. Бельтикова, Г. В. Среда формирования и памятника Зауральского (иткульского) очага металлургии / Г. В. Бельтикова // Археология Урала и Западной Сибири. — Екатеринбург, 2005.
5. Берлина, С. В. К вопросу о типах жилищ населения раннего железного века западносибирской лесостепи (по материалам саргатской культуры) / С. В. Берлина // Российская археология. — 2009. — № 2. — С. 44–56.
6. Берлина, С. В. Жилая и оборонительная архитектура населения западносибирской лесостепи в раннем железном веке (по материалам саргатской культуры): дис. ... канд. ист. наук / С. В. Берлина. — Тюмень, 2010.
7. Борзунов, В. А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаянская культура) / В. А. Борзунов. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992. — 188 с.
8. Зими́на, О. Ю. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков / О. Ю. Зими́на, В. А. Зах. — Новосибирск: Наука, 2009. — 232 с.
9. Корякова, Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура) / Л. Н. Корякова. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. — 240 с.

10. Матвеева, Н. П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи / Н. П. Матвеева // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1989. — С. 77–102.
11. Матвеева, Н. П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны) / Н. П. Матвеева. — Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2000. — 399 с.
12. Матвеева, Н. П. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири (проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке) / Н. П. Матвеева [и др.]. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. — 228 с.
13. Матвеева, Н. П. Городище Большой Имбиряй-3 и хронология баитовских древностей / Н. П. Матвеева, С. И. Цембалюк // Вестник ТюмГУ. — 2010. — Вып. 1. — С. 4–12.
14. Могильников, В. А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири / В. А. Могильников // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1992. — С. 274–311.
15. Новые памятники бронзового и раннего железного веков / Н. П. Матвеева, Е. Н. Волков, Н. Е. Рябогина. — Новосибирск: Наука, 2003. — С. 151.
16. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. — Т. 1. — Кн. 1. Поселения и жилища. — Томск, 1994. — 485 с.
17. Сальников, К. В. Городище Чудаки Челябинской области / К. В. Сальников // Советская археология. — 1947. — № 9. — С. 221–228.
18. Стоянов, В. Е. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века / В. Е. Стоянов // Краткие сообщения Института археологии. — 1969. — Вып. 119. — С. 52–61.
19. Стоянов, В. Е. Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века. Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири / В. Е. Стоянов. — Томск: Изд-во ТГУ, 1970. — С. 238–253.
20. Стоянов, В. Е. Носиловское 2 поселение (О зауральских памятниках начала раннего железного века) / В. Е. Стоянов // Вопросы археологии Урала. — Свердловск, 1975. — Вып. 13. — С. 115–136.
21. Цембалюк, С. И. Характеристика поселений и жилищ баитовской культуры / С. И. Цембалюк // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. — № 10. — С. 57–64.
22. Цембалюк, С. И. Баитовская культура начала раннего железного века в лесостепном и подтаежном Притоболье: дис. ... канд. ист. наук / С. И. Цембалюк. — Тюмень, 2017.
23. Чикунова, И. Ю. Хозяйство и быт населения саргатской культуры Притоболья (к реконструкции хозяйственно-культурного типа): дис. ... канд. ист. наук / И. Ю. Чикунова. — Тюмень, 2006.
24. Хабдулина, М. К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа / М. К. Хабдулина. — Алматы: Гылым: Ракурс, 1994. — 170 с.